

Сказ о Карамзине

Евгений Осетров. «Три
жизни Карамзина». Ро-
ман-исследование. №№
6—7, 1982.

В НАЧАЛЕ своего романа-исследования Евгений Осетров пишет о великом русском писателе и историке: «На фоне трагических судеб современников участь Карамзина представляется счастливою». Однако из дальнейшего рассказа, основанного на документах и мемуарах, выясняется, что жизненная и посмертная судьба историографа весьма не проста, далека от безоблачной.

В прошлом веке Пушкин, развивавший идею русского жизнеописания, призывал своих друзей, и прежде всего П. А. Вяземского, написать жизнь Карамзина.

Однако жизнеописание так и не появилось. Более того, по-прежнему своевременен вопрос: «Кто вы, Николай Карамзин?». В сущности, имеется несколько Карамзиных, которых чрезвычайно трудно свести воедино.

Один Карамзин написал «Бедную Лизу», другой — повести, третий — «Историю...». Прав Е. Осетров, называя Карамзина литературным Прометеем и в то же время говоря о поразительной цельности этого человека. Прав Е. Осетров, когда видит единственный путь к постижению писателя — путь познания. «Ни в чем так не нуждается Николай Михайлович Карамзин, как в том, чтобы не

вое время прочитало его, — спокойно, неторопливо...».

Евгений Осетров не случайно назвал свою книгу о Карамзине романом-исследованием. Это говорит о понимании всей трудности задачи, стоящей перед писателем. Он выбрал путь, указанный Пушкиным, — стал писать именно «Жизнь Карамзина», захотел показать нам человека, замечательную личность, «одного из великих наших сограждан» (Пушкин). Путь этот труден и в то же время единствен, ибо понять великого человека можно только через жизнь, ее описание, а творчество — лишь часть этой жизни, то, что запечатлено, остановлено в ней и показалось на поверхности. Никакая сухая, наукообразная «поэтика», выдающая в великом писателе набор приемов, не может заменить этой кропотливой работы исследователя, по деталям восстанавливающего историческое целое в его движении.

Исследователь, вступивший на этот путь, да еще впервые, всегда уязвим. Его всегда могут обвинить в неполноте, неточностях, спорных трактовках и т. п. Е. Осетров стремится сказать о своем герое все. И дело тут не только в привлеченном им огромном фактическом материале.

В книге Е. Осетрова Карамзин показан в движении, в исторической динамике, во всех своих многочисленных ипостасях — поэт, прозаик, критик, книжник, журналист. Нестор XIX столетия, его летописатель, что, кстати, гораздо выше обычного звания историка. Историков много, а историограф-летописец один поднял историю над эмпирией, над факта-

ми, кропотливое собирание которых так сушит исторические сочинения, и сделал это силою именно художественного своего гения.

Е. Осетров идет к этому зрелому мыслителю и полному достоинства человеку через его юношеские увлечения, через наивную, но и искреннюю чувствительность молодого Карамзина, его верность (до поры до времени) восемнадцатому столетию, его умозрительным идеям.

Замечательные по своему идейному и литературному значению «Письма русского путешественника», плод мечтаний русского европейца — памятник того переходного периода. Исследователь с полным основанием сравнивает эту книгу молодого Карамзина и знаменитые письма из Европы Дениса Фонвизина, куда более зрелые, глубокие и пророческие в своем критицизме. Но это вовсе не означает, что таким образом Карамзин побеждает Фонвизина. Нет, Е. Осетров показывает, как в новом XIX столетии автор «Писем русского путешественника» приходит к тем же выводам, что и Фонвизин, и идет далее него, опираясь на материал отечественной истории, постигая ее путь и смысл. Революционная борьба старого и нового в истории мира, осознанная зрелым Карамзиным в ее беспощадной диалектике, научила его, что мало быть гражданином вселенной, надо быть гражданином своей страны и сыном своего века, постигающим национальное предание и мировую историю в их неразрывной связи.

Жизнь Карамзина показана в исследовании Е. Осетрова не просто как писательский труд и подвиг историка. Жизнь эта была и подвигом самовоспитания, обретением самобытности. Герой этой книги — не писатель, не журналист и не историк. Герой ее — человек, сделавший во всех этих разных сферах столько, сколько могло хватить на несколько судеб. И именно об этом человеке написал вдохновенные строки друг Пушкина Николай Языков:

Бессмертен Карамзин!
Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны
струн бряцанья,
Не нужен камень
или кумир:
Она без них крепка
в отчизне просвещенной...

Карамзин, показан Е. Осетровым как воспитатель Пушкина, наших лучших писателей, национального сознания. Конечно, автор мог бы привлечь здесь замечательные письма Карамзина о молодом Пушкине, писанные к Вяземскому, вспомнить, что согласно новейшим документам одним из последних дел угадывающего историографа было возвращение Пушкина из михай-

ловской ссылки в Москву. Вряд ли стоило так решительно приписывать знаменитую эпигramму на Карамзина Пушкину. Сам поэт, а после его смерти и его друг Вяземский решительно отрицали авторство Пушкина, и эту эпигramму следует печатать в разделе приписываемых поэту стихотворений. Но все это, конечно, пожелания, которые автор волен учесть в книжном варианте своего романа-исследования.

Евгением Осетровым написана целостная, опирающаяся на богатейший материал книга о Николае Михайловиче Карамзине, книга пути и жизни великого духа. Она чужда наукообразности, литературна, занимательна, полна ценнейших подробностей.

Вспоминаются прекрасные пушкинские слова: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности». Книга Евгения Осетрова «Три жизни Карамзина» является таким свидетельством глубокого уважения и нашей благодарности великому русскому писателю.

Вс. САХАРОВ